

Мне около шести лет. Мимо дома, где проходило детство, шла дорога, по которой отошедших в мир иной провожали в последний путь... Однажды я присоединилась к процессии и шла километра три вместе со всеми до кладбища. До сих пор помню лицо преставившегося — мне казалось, что это был... Гоголь, Николай Васильевич Гоголь... Вылитый!

Отец много читал вслух из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Портрет Гоголя мы с ним вместе рисовали (по сей день храню тот рисунок). Мне знакомы были черты лица писателя — никогда не думала, что Гоголь давно умер. Он был для меня живым... Шла за гробом, ощущая страх, — много непонятого, тяжелого... Гоголь? Он никогда не мог умереть — уж в этом-то я была уверена. Видно, детская душа чувствует то, что бывает сокрыто для взрослого человека. Думая о Гоголе, под этим ясно-неясным впечатлением живу до сих пор...

...Шли годы. С чувством необъяснимой радости узнаю, что на холсте великого А.А. Иванова «Явление Христа народу (Явление Мессии)» ближайшим к Христу изображен Н.В. Гоголь. Иванов к портретной живописи относился отрицательно. Даже самые близкие художнику лица не были увековечены им в портретах. Портрет русского писателя у Иванова яв-

ляется единственным. Нет сомнений — работа художника над этим портретом была вызвана какими-то особыми обстоятельствами.

Долгие годы А.А. Иванов молил Бога о ниспослании ему точного познания истины, о том, чтобы Господь оживил художника Духом Святым. Почти двадцать лет художник работал над холстом. Претерпел многое — нужду, голод. Жил только одним великим событием — запечатлеть в холсте явление Христа миру...

Неслучайно Гоголь писал о художнике: «...Нужно, как Иванов, умереть для всех приманок жизни; как Иванов, отказывать себе во всем... Как Иванов, надеть простую плисовую куртку, когда оборвались все средства, и пренебречь пустыми приличиями; как Иванов, вытерпеть все и при высоком и нежном образовании душевном, при большей чувствительности ко всему, вынести все колкия поражения и даже то, когда угодно было некоторым провозгласить его сумасшедшим и распустить этот слух таким образом, чтобы он собственными своими ушами, на всяком шагу, мог его слышать. За эти подвиги нужно, чтобы ему была выдана награда...»

И награда была выдана — высшая. Мы не знаем: Господь ли водил рукою художника по холсту? Иоанн ли Богослов? (Многие узнавали на холсте св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова в образе прекрасного юноши со светло-золотистыми волосами, стоящего с левой стороны от Крестителя Господня). Может быть, помогал Иванову *будущий* св. апостол Фома, которого тоже узнавали на холсте. Рядом с этим образом видим таких же зрелых лет мужа. С участием, с каким-то утешением любви он смотрит на толпу... «В нем не трудно узнать будущего Христова апостола... Это, может быть, святой Андрей Первозванный?» — высказывает предположение архимандрит Федор (А.М. Бухарев). Около Андрея Первозванного кроткий с мягкими чертами человек в светло-зеленой одежде... «Со слов самого Иванова говорится об этом человеке, что он, собственно, не кается, но только внутренне, в глубочайшей сосредоточенности беседует со своим духом, настроенным на тон Предтечевой проповеди, и — едва ли даже можно в настоящем сознании проникнуть в его душу другому благовестию. Не Филипп ли это, так же *будущий* апостол, воздыхающий об одном — об успокоении в любви Отчей: «Господи! Покажи нам отца и довлеет нам», — предполагает архимандрит Федор. Но это все предположения. Реальным остается, мы знаем, одно: Иванов к портретной живописи относился отрицательно.

Молитва художника, образ его жизни и вера сотворили чудо: в художнике произошло истинное обращение ко Христу. И — как озарение: ближайший к Христу в композиции картины должен быть Н.В. Гоголь. Чувство ли это самого художника или ниспослание высшей Благодати? Скорее, последнее. Ибо ни на одном холсте Иванова никогда не было живого конкретного исторического лица.

Но Гоголя на холсте, если мы не знаем истории создания картины, мы... не узнаем. Так не узнал в «ближайшем к Христу» Гоголя и архимандрит Федор, написавший большую обстоятельную статью «Явление Христа миру (картина Иванова)». Его слова о «ближайшем»: «...какой-то человек с выразительным лицом, с орлиным носом, стоящий всех ближе к подходящему Агнцу Божию — едва ли не римлянин, обернувшийся во что-то вроде епанчи; этот человек смотрит на Господа с глубоким, кажется, предчувствием, что Он и язычников сделает Божьим народом, царственным священством».

Рассмотрим обстоятельство, из-за которых мы не можем узнать на холсте Иванова живое лицо Н.В. Гоголя.

По замыслу художника, Гоголь не просто спокойный, пассивный созерцатель совершающегося действия, а современный художнику персонаж, в развороте действия картины выполняющий определенную функцию: это единственный человек, понимающий «настоящую минуту» действия картины — «первопоявление

Христа народу». И человек этот несет перед Христом ответственность за людей Земли. Он единственный в ужасе осознает греховность свою и людей, он зовет их к покаянию. «Ближайший» — единственная фигура, вносящая трагическую ноту. Ни одно лицо, кроме «ближайшего», не несет столь глубоко безысходных драматических черт. Таков был замысел художника, о котором знал и был согласен с ним единственный человек — Н.В. Гоголь.

В 1841 году А.Иванов написал портрет Н.В. Гоголя. По просьбе Михаила Погодина, профессора Московского университета, историка, издателя журнала «Москвитянин», Иванов сделал реплику этого портрета и с согласия Гоголя подарил ему, взяв с него слово нигде и никогда не публиковать его. На таких же условиях оригинал портрета был подарен поэту Василию Жуковскому.

Александр Андреевич Иванов практически жизнь прожил в Италии, куда после окончания Петербургской академии художеств был командирован на три года. В Россию вернулся лишь за два месяца до смерти. В Риме он и познакомился с Гоголем. В одном из писем художник писал: «Грусть и скука нам без вас в Риме. Мы привыкли в часы досуга или слышать подкрепительные для духа ваши суждения, или просто забавляться вашим остроумием и весельем. Теперь ничего этого нет...»

В письме отцу делился впечатлениями о новом друге: «Это человек необыкновенный, имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство, человек самый интереснейший... Ко всему этому он имеет доброе сердце».

Писатель характеризовал художника как «знаменитого нашего и решительно первого живописца». Их сблизила работа — Иванов жизнь положил на создание «Явление Христа народу», а Гоголь в «Мертвых душах» стремился понять и отразить Россию «мертвых душ» и Русь святую. Поэтому духовное родство с другом воспринимал как единое целое: «Хорошо было бы, если бы и ваша картина, и моя поэма явились вместе».

Портреты, подаренные Погодину и Жуковскому — это две тайны. Тайна первая: сам портрет появился «от всех в великой тайне», очевидно, по желанию, может быть, и по требованию самого Гоголя. Тайна вторая: также было сокрыто и местонахождение портретов — «...портрет подарен вам, что уже не может быть тайной, как этого всегда желал наш знаменитый покойный». (Из письма Иванова, адресованного Погодину после смерти Гоголя).

Годы, когда Иванов писал портрет Гоголя в картине «Явление Мессии», были годами, когда Николай Васильевич перерабатывал свою повесть «Портрет». Во второй редакции повести очень ясно выражено отношение к портрету: «Более, чем всякое другое художественное произведение, портрет является силой, которую выводит художник в жизненный кругооборот».

Вполне понятно, что Гоголь желал видеть свой портрет особенным: своим лицом, своей фигурой передать с максимальным напряжением свое душевное состояние. По замыслу художника и писателя, читатель впервые должен был увидеть портрет Гоголя на великом холсте «Явление Мессии» в фигуре «ближайшего к Христу».

Но так, как было задумано, не случилось. В 1843 году портрет был М.П. Погодиным помещен в виде литографии на страницах «Москвитянина» без спроса и ведома Н.В. Гоголя.

Писатель был не просто расстроен, не просто переживал — воспринял случившееся как большое горе: «...Большого оскорбления мне нельзя было придумать. Если бы Булгарин, Сенковский и Полевой, совокупившись вместе, написали бы на меня самую злейшую критику, если бы сам Погодин соединился с ними и написали бы вместе все, что способствует к моему унижению, это было бы совершен-

но ничто в сравнении с сим. На это я имею свои собственные причины, слишком законные...» (Письмо Гоголя 26 октября 1844 года Н.М. Языкову).

А это из письма писателя С.П. Шевыреву от 14 декабря 1844 года: «...Друг мой, много я не умею объяснить, да и для того, чтобы объяснить что-нибудь, нужно мне поднимать из глубины души такую историю, что не впишешь ее на многих страницах... Не скрою даже того, что помещение моего портрета, который дан мною Погодину, увеличило еще более неприятность. Там я изображен как бы в своей берлоге назад тому несколько лет. Я отдал этот портрет Погодину, как другу, по усиленной просьбе, думал, что он в самом деле ему дорог, как другу, и никак не подозревая, чтобы он опубликовал меня. Рассуди сам, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами?»

Письма Гоголя позволяют сделать вывод, что план введения своего портрета в величайшую картину русской живописи (так сам Гоголь определял значимость работы Иванова) был сорван преждевременной публикацией погодинского варианта. Тот портрет, которому надлежало быть единственно доступным обществу изображением Гоголя, теперь не может состояться: присутствие среди персонажей ивановской картины после того, как сделался известным его «домашний» облик, было невозможно. Об этом и писал Гоголь в 1845 году в своем «Завещании», в пункте VII: «Завещаю... но я вспомнил что похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет. По многим причинам, которые мне объявлять не нужно, я не хотел этого...»

Если бы не было преждевременной публикации портрета, сегодня на великом холсте мы видели бы в фигуре «ближайшего» Гоголя, видели бы и узнавали. Но случилось все по-иному. Иванов откликнулся на желание Гоголя. Оставил писателя на картине, и именно в образе «ближайшего к Христу», но до неузнаваемости зашифровал его черты. Если зритель не знает истории появления Гоголя на святом холсте, то не узнает его в «ближайшем». Если же знает, что «ближайший» — Гоголь, то писатель очень легко узнается. В своем новом облике Гоголь все же был свидетелем «явления Мессии».

Нижняя челюсть, подбородок покрыты тенью небритой бороды — сразу скрылся характерный овал лица. Изменена форма носа — отчего утратился самый характерный признак гоголевского лица. Повороту головы придано профильное положение. Острота портретного сходства теперь уже сознательно совершенно утрачена. Но кисть великого художника сделала чудо: на холсте все же узнаваемо-неузнаваемый Гоголь. При сравнении лица «ближайшего» со всеми эскизами и рисунками Иванова, которые имели отношение к Гоголю, и при сопоставлении профиля «ближайшего» с профилем посмертной гоголевской маски специалисты узнают в «ближайшем» несомненные признаки гоголевского лица.

Н.В. Гоголь на великом холсте А.Иванова остался навечно. Не просто как свидетель явления Христа... Исходя из того, что писатель верил в то, что Слово, только Святое Слово может помочь духовному перерождению человека, он на полотне как брат, готовый идти за своих братьев и сестер на смерть, берущий на себя грехи всех, за всех молящихся и кающихся... Слово, освященное учением Церкви и ее святых. «Святое Слово и Любовь...» Не просто слово — а Бог Слово, Бог Любовь. Гоголь старался жить по этой вере. Может быть, поэтому и послано было Иванову увидеть Гоголя «ближайшим к Христу».

Всем своим творчеством Гоголь утверждал, что Бог «есть один истинный свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир». Мучительный вопрос, который Гоголь задает и себе, и нам: «Зачем венцом всех эстетических наслаждений во мне осталось свойство восхищаться красотой души человека везде, где бы я ее ни встретил?..» Горит пламя и поглощает души мертвые, души ноздревых, чичиковых, плюшкиных...

Преподобный Серафим Саровский говорил: «Бог наш есть огонь, поглощающий все нечистое, и никто нечистый телом или духом не может иметь части с Ним. Так что низвергнутый до ада да будет чувствовать только боль в присутствии Бога; он нечист, и Божественный огонь сжигает его и мучает. Но тот огонь, который пожирает недостойного, может также пожрать и нечистоту и сделать достойным тех, кто, хотя и недостойны, любят Бога и желают стать Его сынами. Мы молимся перед Святым Причастием: «Да будет мне Пречистое Твое Тело и Честная Кровь Твоя, Господи, огнем и светом, пожигающим мерзость грехов и язвы страстей, просвещающим всего меня, да прославлю Твое Божество».

Гоголь-плакальщик... Он молит за всех, он не помнит, что они, эти мертвые души, его и убили... Что там говорить о собакевичах и маниловых?! Гоголь обратился к вечным истинам, но даже друзья стали считать его больным. Его не понимают, не слышат... Да, гениальный человек, у которого что-то тронулось в голове... И.С. Тургенев замечает: «Вся Москва была о нем такого мнения». Белинский намекает на сумасшествие Гоголя. Белинский верил в революцию, а Гоголь — в Бога, в Любовь. В этом плане жизненный путь Н.В. Гоголя и А.Н. Иванова — перекресток.

Гоголь молит за души — далекие и близкие... Да разве мог Гоголь умереть?! Он вел и ведет нас к Христу, он любит человека и знает, что самое низменное находится в нелепом соединении с высокими духовными озарениями: «Все может быть, все может статься с человеком». «Знаю только то, что наипрезреннейший из нас может завтра же сделаться лучше всех нас, и его молитва будет ближе к Богу». Гоголь старался уверить себя и Россию, что положительные задатки не только могут, но должны, обязаны послужить началом для духовного перерождения человека. Обязательным оказалось одно: мертвые души победили живую душу художника. Победили ли? «Стоит только не смотреть на то, как другие с тобой поступают, а смотреть на то, любишь ли сам их...» Гоголь не только понял закон Христа, но стремился всегда применить его к себе.

Известна молитва, написанная Гоголем, бывшая постоянно с ним в записной книжке: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей все лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновением».

«Бог есть огонь» — этими словами Избранник Божий преподобный Серафим Саровский говорит не только о величии славы Божией, но напоминает нам и о нас самих, о наших деяниях и возможностях. «Ведь никто не может приблизиться к Богу до тех пор, пока сам не станет огнем» (иеромонах Серафим Роуз).

Каждому православному христианину дается этот огонь при крещении. Мы просто не доросли до себя. Из-за нашего рационализма, духовной слепоты мы не видим, не чувствуем этого огня. Гоголь же смог приблизиться к Богу — всегда чувствовал в себе этот огонь.

Великий русский художник А.Иванов мог почувствовать и увидеть в Гоголе этот огонь, наверное, потому, что и в нем самом он горел.

Этот огонь ярче, чем в других. Наверное, Иванов больше, чем кто-либо приоткрыл нам тайну роковой смерти Гоголя. Литературоведы по поводу этой роковой тайны уже много лет ведут разыскания. Они пытаются приоткрыть завесу, висящую над тайной смерти Гоголя, но ведь и в личной жизни Гоголя, и в его творчестве — повсюду тайны... И до сих пор в Гоголе больше нераскрытого, чем раскрытого. В «Выбранных местах из переписки с друзьями», например, Гоголь говорил: «...Этого я не в состоянии был открыть тогда даже Пушкину... Там есть некоторые душевные тайны, которые не вдруг постигаются».

Какие душевные тайны имел в виду Гоголь? Почему мы плачем, читая «Старо-светских помещиков» (герои-то так примитивны)? Почему Хома Брут, перенеся

невозможное, в последнюю, самую решающую секунду не утерпел и взглянул на Вия? Все ли понятно в «Страшной мести»? А «нос» Ковалева перещает Казанский собор — почему? Странно описывает Гоголь утопленницу-мачеху в «Майской ночи»: «Тело прозрачное, светится, а внутри что-то черное...» Черное, тайное, мучительно тяжелое гнетет обезумевшего титулярного советника в «Записках сумасшедшего». Мы слышим его предсмертный вопль: «...Вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси своего бедного сына. Урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете, его гонят!..» А к какому концу вел Гоголь своего Павла Ивановича Чичикова?

...Исследователь Василий Осокин в статье «Сожженная рукопись» над тайной роковой смерти, как ему показалось, «приоткрыл» завесу — говорит о «зловещей роли» духовного отца Гоголя священника Матфея Константиновского. Представляет его как «иступленного фанатика и изувера». Забыл В.Осокин, а может, не ведал о том, что многие очень влиятельные люди мечтали о духовном руководстве о. Матфея, некоторые помещики специально переселялись в Ржев, где служил о. Матфей, чтобы быть поближе к любимому пастырю.

Летом 1835 года преосвященный Григорий после долгой беседы с отцом Матфеем в алтаре, у престола, во всеуслышание объявил священникам Беженского уезда, собравшимся в соборе: «Вот вам образец, подражайте ему. И я более ничего не желаю».

Отца Матфея любили и высоко ценили Оптинские старцы. Н.В. Гоголь, без сомнения, по собственному своему желанию выбирал себе духовного руководителя, он нуждался в нем, глубоко уважал, дорожил его мнением. Разве В.Осокин не читал «Авторскую исповедь» Гоголя, где писатель сам подробно, ясно, очень откровенно объясняет причины, приведшие его к сожжению второго тома «Мертвых душ»? Это не эмоциональный, мимолетный всплеск, это аналитическая, серьезная работа души и сердца: «...Как сравню эту книгу («Выбранные места...») с уничтоженными мною «Мертвыми душами», не могу не возблагодарить за насладное мне внушение их уничтожить. В книге моих писем я все-таки стою на высшей точке, нежели в уничтоженных «Мертвых душах». В уничтоженных «Мертвых душах» гораздо больше выразалось моего переходного состояния... Словом — как честный человек, я должен был оставить перо, даже и тогда, если бы действительно почувствовал позыв к нему...»

Предмет исследования у Гоголя всегда (от безымянного литературного дебюта, стихотворения «Италия», опубликованного в 1829 году до «Выбранных мест...») был один и тот же: по словам самого Гоголя — «Жизнь, а не что другое». Человек и душа человека — вот что всю жизнь мучительно стремился познать Гоголь. Вечные законы, которыми движется человек и человечество вообще, мучили Гоголя: «...Почти сам не ведал, как я пришел к Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека... Поверкой разума поверил я в то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоле как-то темно и неясно».

«Самое сильное мое желание — стать лучше». В письме одному из своих друзей, Гоголь говорит: «...Герои мои потому близки душе, что они из души... Я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог».

Гоголь отказался от всего в жизни — на первом месте было словесное поприще. В 1848 году пишет В.А. Жуковскому: «...Знаю только то, что прежде чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени (...) первого свидания нашего оно стало ГЛАВНЫМ и Первым в моей жизни, а все прочее вторым. Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью се-

мейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба».

Большая часть читателей потешалась над героями Гоголя, все себя считали неизмеримо выше них. А Гоголь страдал, мучился, считая и себя несовершенным. В статье «Христианский пастырь и христианин-художник» святитель Игнатий Брянчанинов высказывает глубокую мысль: «...Талант человеческий во всей своей силе и несчастной красоте развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, беден, натянут... Когда усвоится таланту евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутренней борьбой, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может свято, петь свято, живописать свято».

Бог помогал Н.В. Гоголю в его духовном восхождении:

«...В мыслях моих чем далее, тем яснее представлял идеал прекрасного человека, тот благодный образ, каким должен быть на земле человек...» Путь Гоголя — путь восхождения к благодному образу человека земли. Путь этот был очень труден, но искренен и честен, и писатель, идя этим единственно верным и очень трудным путем, и всех нас, читателей, ведет за собой. Гоголь имеет в виду себя, когда говорит о писателе, который «сам еще не воспитался так, как гражданин земли своей и гражданин всемирный... покорный общему нынешнему влечению всех, сам еще строится и создается...»

Творения такого писателя, особенно если это талантливый писатель, по глубокому убеждению Гоголя, в лучшем случае производят заблуждения, недоразумения, в худшем — просто не имеют право на жизнь: «Ему даже опасно выходить на поприще; его влияние может быть скорее вредно, чем полезно». Потому что временное состояние духа писателя, временное заблуждение, переходное состояние («когда не вполне отделилось во мне то, чему следовало отделиться») может показаться другим людям верховною точкой, до которой следует всем дойти...»

Направление «переходного состояния» писателя очень четко обозначено Гоголем в «Выбранных местах...» — книге уникальной не только в русской, но и в мировой литературе. Направление это явственно обозначено: от заблуждения (тьмы) к свету (как путь любого человека Земли), к Христу, от тотального отрицания к утверждению вечных ценностей.

Гоголь стремится к духовному становлению. Побывав в Иерусалиме, у гроба Господня, несколько раз посещает Оптину Пустынь, решает уйти в монастырь, утверждая, «что нет выше удела на свете, как звание монаха», приходит к своим мыслям о первичности именно духовной литературы.

Писатель стремится заставить себя поверить в то, что у него пусть временно, но «отнялась способность писать. Он ориентирует себя на любую службу, исключая писательскую. Он хочет глядеть на дело «благодарно». И себя, и читателя, верующего в Бога, он убеждает в своей правоте:

«Есть такие вещи, которые не подвластны холодному рассуждению, как бы умен ни был рассуждающий, которые постигаются только в минуты тех душевных настроений, когда собственная душа наша расположена к исповеди, к обращению на себя, а не на других». Только в контексте всей жизни Гоголя и в свете евангельских истин может быть понята и проблема второго тома «Мертвых душ», и многие «тайны» русского гения.

...В пятом номере «Москвитянина» за 1852 год напечатан некролог на смерть Гоголя:

«21 февраля в четверг поутру, без четверти восемь часов умер Гоголь.

Чем он был болен? На этот вопрос можно отвечать только то, что он страдал, страдал сильно, страдал телом и душой, но в чем именно заключались его страдания, как они начались — никто не знает; и никому не сказал он об них, даже своему духовнику...»

Почему думаю всегда о Гоголе как о живом? Наваждение... Понимаю, что мать Гоголя, женщина «страшного воображения», думала о сыне как о живом и однажды приняла портрет сына за живое лицо (копия портрета работы Ф. Моллера). Но это же мать... понимаю.

Понятно и то, что крестьяне Васильевки и казаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никогда не думали, что он умер. Они говорили, что у Гоголя было много врагов, и император Николай Павлович, чтобы скрыть его от врагов, усадил писателя в Западную Европу отыскивать брата императора, Александра Павловича...

«...И Гоголь и Александр Павлович живы, — утверждали крестьяне, — и они обязательно возвратятся». Мало кто верил в смерть писателя. Гадали о Гоголе казаки — и выходило, всегда выходило, что жив. Так думали люди, которые знали Гоголя, очень любили его...

Понимаю и когда читаю стихотворение Юрия Кузнецова «Тайна Гоголя»:

Нет его; показался от страха!
 Раскопаем могилу лжеца!
 Сотряслись осквернители праха,
 Не увидя в гробу мертвеца.
 Был ли Гоголь? Была ли Россия?
 Тихий Миргород? Сон наяву?
 — Позовите великого Вия! —
 Словно вихорь размел трын-траву.
 Темный топот все ближе и ближе,
 Замер Вий у святого креста.
 — Поднимите мне веки: не вижу!
 Вот он! — равкнул...
 Могила пуста...

Понимаю, это же поэт, ему дано особое право. Смотришь на холст Иванова и узнаешь Гоголя — нет, не святого, но искавшего Правду (Бог не в силе, Бог в правде), не соглашавшегося с неправдой, выбравшего смерть, но только не неправду. Горит очистительное пламя творческого наследия Гоголя, освященного светом Божественного Огня. И свет этот проливается на нас.

Спаситель Небесный услышит его — сына человеческого, достойного заступника за человека, писателя, гражданина, подвижника, отдавшего литературе все...

На холсте Иванова видишь в облике Гоголя как бы два лица: одно лицо у него вполне земное, другое — аскетическое, «не от мира сего». Люди, очень любившие писателя, терялись в определениях, какой же он. С.Т. Аксаков с горечью признавался: «Я вижу в Гоголе добычу сатанинской гордости». Но он же потом утверждал: «Признаю Гоголя святым».

Есть у Гоголя неоконченный роман о пленнике и пленнице, брошенных в подземелье. Прочитаем отрывок из этого произведения:

«Когда стали пытать пленницу, послышался ужасный, черный голос: «Не говори, Ганулечка!» Тогда вступил человек. Это был человек... но без кожи. Кожа была с него содрана. Весь он был закипевший кровью. Одни жилы синели и простирались по нем ветвями!.. Кровь капала с него!.. Бандура на кожаной ржавой перевязи висела на его плече. На кровавом лице страшно мелькали глаза...»

«Гоголь был этим кровавым бандуристом-поэтом, с очами, слишком много видевшими. Это он вопреки своей воле крикнул новой России черным голосом: «Не выдавай, Ганулечка!» За это с него содрали кожу», — писал в двадцатые годы про-

шлого столетия А. Воронский, публицист, литературный критик, редактор журнала «Красная новь».

Но не победили живую душу писателя. Н.В. Гоголь — истинный православный христианин, подобно горящей свече, которая воспламеняет другие свечи.

Сороковой день по кончине Гоголя совпал с понедельником Светлой седмицы (Пасха 1852 года праздновалась 30 марта). Много друзей и почитателей Гоголя собрались на кладбище Свято-Данилова монастыря. Была заупокойная обедня, была отслужена панихида по усопшему рабу Божьему Николаю. Для собравшихся было великим утешением слышать воскресный колокол вместе с заупокойным пением. Зелен и цветы среди снега на могиле и радостно плывущее: «Христос Воскресе!»

На поминальной трапезе Шевырев прочитал «Светлое Воскресенье» — произведение, которое было для Гоголя очень дорогим, оно было последним, напечатанным при жизни писателя:

«...Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется, как следует, и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: «Христос Воскресе!» — и поцелуй, и всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гулят и гудут по всей земле точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно призраки, там недаром носятся; где будят, так разбудят... Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресения воспроднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов».

Голос Гоголя, его большую Христову любовь к людям, любовь к отечеству собравшиеся за поминальным столом слышали будто из могилы. Это был «...священный голос с того света», — так вспоминал М.П. Погодин.

В этот день впервые для друзей Гоголя прозвучало его духовное Слово ясно, светло, победно. И все слушающие были — как один человек. Кончина Гоголя примирила всех и сняла все вопросы... «А есть, действительно, в смерти Гоголя что-то примиряющее и любовное» (М.П. Погодин).

С.П. Шевырев вспоминал: «...Поминки происходили в замечательный день: 30 марта, по преданию Церкви, было распятие Спасителя. С 31 марта на первое апреля совершилось Воскресение. 31 марта мы поминали его».

В 1903 году новомученик протоиерей Иоанн Восторгов на панихиде по Гоголю сказал слово, в котором раскрыл смысл духовного значения творчества Гоголя:

«Вот писатель, у которого сознание ответственности перед высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко схватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью, чем-то необычным, непонятным, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой...»

В «Авторской исповеди» Гоголь просил: «Мне хотелось бы, чтобы помолились обо мне те, которых вся жизнь стала одной молитвой... Я просил обо мне и других молиться, потому что не знал, чья молитва из нас угодит Тому, Кому мы все молимся».

Вспомним Гоголя, помолимся о нем. Обратимся к его наследию: там много истин, на которые указывает писатель, истин, очень нужных нам сегодня.

И девочка, идущая за гробом не Гоголя, но уверенная в том, что провожает *его*,

Гоголя, плачущая и любящая девочка до сих пор идет... И верит вопреки всему, что Гоголь жив. Знает она, что не дано знать взрослому человеку...

Почему такая сила русской классической литературы? Почему с детских лет, уверена, не только у меня, и до конца дней воссоединилось воедино многое из того, о чем эти беглые записки? Понимание и поддержку вы получите у литературного критика, проникшего в суть нашего литературного бытия — читайте Александра Воронского:

«Наша русская художественная литература — величайшее и своеобразнейшее явление, я сказал бы, событие в мировой истории именно потому, что она, начиная с Пушкина, тосковала о детских, о первоначальных, о самых могучих впечатлениях, чувствах, инстинктах. Недаром она обладает такой живописью, такой изобразительностью, недаром напоена она, наполнена запахом земли, лесов, полей, изумительно плотской силой... Нужно, чтобы у человека было больше этих неиспорченных, непорочных, чистых образов, этих карасиков, стоящих в тине. Надо очистить мир человека от житейской шелухи, снять покровы, мешающие ему видеть богатство вселенной, свое богатство...»

Сколько бы мы ни говорили о Гоголе — все будет полуправда, наш рассудок и живые факты — бессильны. Девочка знает высшую Правду и идет за ней.

«...Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господа неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение» (Мф. 11, 25).

Ближайшим к Христу останется для нас Н.В. Гоголь и на великом холсте А.Иванова, и во всех днях нашей жизни.